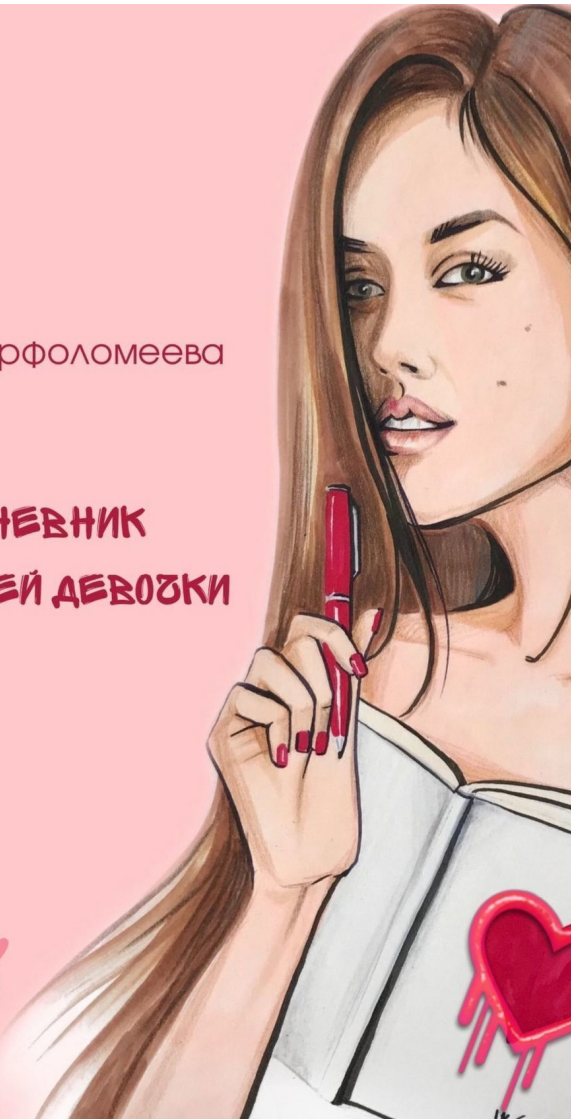

Яна Варфоломеева

**ДНЕВНИК
ХОРОШЕЙ ДЕВОЗКИ**

18+

Яна Варфоломеева

Дневник хорошей девочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704312

ISBN 9785005160010

Аннотация

Хорошие девочки не напиваются до беспамятства и не танцуют на барной стойке, они не хамят мужчинам и не открывают себе сами шампанское. Но хорошие девочки иногда оказываются слишком удобными и понимают это только когда их выкинули на помойку, как ненужную вещь. И тогда хорошие девочки не становятся плохими, но они перестают быть хорошими. И вот тут начинается интересное...

Содержание

От автора	6
Мужик первый. Бывший муж	15
После боя курантов	49
Через неделю	54
Через две недели	57
Через две недели	60
Через два месяца	62
Мужик второй. Женатик	67
Через месяц	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Дневник хорошей девочки

Яна Варфоломеева

© Яна Варфоломеева, 2020

ISBN 978-5-0051-6001-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хорошие девочки не напиваются до беспамятства и не танцуют на барной стойке, они не хамят мужчинам и не открывают себе сами шампанское. Но хорошие девочки иногда оказываются слишком удобными и понимают это только когда их выкинули на помойку как ненужную вещь. И тогда хорошие девочки не становятся плохими, но они перестают быть хорошими. И вот тут начинается интересное...

Политик, женатик, старый рокер... После сокрушительного разрыва с мужем, новоиспеченная «разведенка», модный редактор глянцевого журнала, Яна, заново учится общаться с мужчинами и совершает ошибки, которые ведут ее навстречу с самой собой. Дневниковые записи помогают ей справиться с потрясением от развода. Яна понимает, что в ее мире «хорошей девочки» что-то пошло не так, и только она сама может все исправить.

Двенадцать месяцев восстановления в двенадцати главах местами мучительной, но больше озорной исповеди. Молодая и яркая героиня своим примером показывает, что все эти клише из соцсетей про «там, где по ощущениям должен быть конец, на самом деле оказывается начало» и «чтобы себя найти нужно сначала потеряться», на самом деле правда. Она смеется и плачет над своими простыми, но такими важными открытиями.

От автора

Я посвящаю эту книгу моей маме, женщине невероятной харизмы и силы, которая не нашла в себе храбрости уйти от недостойного ее мужика.

Когда оглядываешься в прошлое, картинка жизни кажется до странного логичной и четкой.

Ты можешь сразу выхватить взглядом такие ясные знаки судьбы. Вот же они, пульсирующие маячки, которые выстраивались в тропинку.

Но как часто мы игнорируем их и сворачиваем не туда. Так хорошо потом видны ошибки, будто кто-то навел резкость у камеры. Становится понятно зачем приходили в наш сценарий те или иные люди, зачем мне нужен был развод...

Я многое увидела в своей жизни через эту призму времени. Поняла тропинку, которыми эти маячки высвечивали мой путь, хоть я этого и не замечала в процессе.

Знакомые хохотали над моей очередной историей про неудачное свидание, которых после развода у меня накопилась целая коллекция, подбадривали и нарочито открыто шутили над всей ситуацией и моим разводом отдельно, мол, смотри, мы над этим можно и посмеяться!

Коллеги и подружки присвоили мне статус «разведенка», я сама разрешала и даже культивировала это. Ненавистные

шуточки про Стаса Михайлова как клеем закрепились на по-вестке. Также как кошки, только их не хватало. Будто существует некое соглашение: вот женщина разводится, и ей сразу выдают независимое гордое животное в количестве от двух штук, а в запущенных случаях – в неограниченном. И на фоне Стас Михайлов.

А если у меня, например, аллергия на стереотипный символ женского одиночества и я ненавижу прилагаемый в комплекте саундтрек?

Не беда! Есть керамические кошки и пугающая тишина. Ну вот эти, для украшения сада: плохо покрашенные на фабрике. Им еще иногда глаз не туда штампуют, и получается, что форма глаз отдельно, а их содержание немножко рядом.

Вот такие кошки, по мнению моих подружек, должны были быть у меня. И чем больше, тем лучше.

Чтобы люди, приходившие в гости, сразу видели повсюду эти говорящие символы разбитого счастья: на полу, на подоконнике, у кровати на тумбочке. Только начинают закрадываться всякие мысли обо мне, как я такая внезапная: «Может вам чаю?»

Подруги понятия не имели, что делать в таком случае, и постепенно ретировались. Я им с радостью подыгрывала, пока не поняла, что и для своего окружения я «хорошая девочка», которая все достойно переживет. Сама.

Позже я научилась кайфовать от своего нового состояния

и стала находить весомые, как целый торт, плюсы в одиночестве.

Когда я совсем пришла в себя, даже открыла несколько полезных наблюдений.

Например, нарисовалась опробованная простая схема выхода из депрессии. И да, я вывела важное: собственную «Классификацию мужиков». Это было, кстати, первое рабочее название книги, которая у вас в руках.

Вот что я поняла. Есть *Мужчины* – достойные, успешные, интересные, ответственные, настоящие.

А есть *мужики*, которые так и не доросли до трансформации в настоящего Мужчину с большой буквы, но об этом они, по своему определению, не догадываются.

Встречи с *мужиками*, если мы извлекаем из них уроки, ведут к встрече с настоящим Мужчиной. Путь может быть тернистым, придется меняться и самой.

Сложно объяснить так сразу, для этого вам придется прочитать эту книгу.

Попробую объяснить на пальцах. Это, как на рынке: прежде, чем найти сочный спелый фрукт нужно пересмотреть кучу испорченных, незрелых экземпляров, а потом, уже даже потеряв интерес, найти тот самый. А ведь уже и к гнилушкам повнимательнее присматриваться начала.

Или еще пример, как на распродаже: урвать то самое платье, перемерив целый гардероб симпатичных, интересных, но абсолютно неподходящих. У того вон какие рюши само-

мнения, а это явно гулящее, непонятно, у кого его потом искать. А тут вот оно! Ну и где же ты от меня пряталось?

Скоро я стала преображенной разводом девушкой, которая, усвоив свои уроки, стала как будто только лучше и счастливее. Я похудела, похорошела, появилась та самая искра в глазах, которую видно, только когда она исчезает.

Мне стали писать и звонить знакомые, с которым мы не общались годы, или уж и совсем малознакомые девушки. И все с одним вопросом: поделись, как ты это пережила да еще и похудела (сучка)?

Тема разводов, как и вообще расставаний однажды просто настигает. Каждая так или иначе через это проходит. И к этому нельзя быть готовой.

А ведь многие терпят, пока совсем не подгорит.

Я прекрасно знаю это все: бодриться в соцсетях, смеяться шире, громче, лишь бы не догадались, как больно. А все все видят и подыгрывают.

Не хочу давать рекламу, но развод – одно из самых отрезвляющих событий в моей жизни. Хоть, признаюсь, поначалу я частенько была пьяна.

Я смотрела на отношения других и все думала: как так происходит, что мы абсолютно не ценим себя? Почему мы впутываемся и застреваем в липких союзах? Зачем влюбляемся в мужчин, не способных и не желающих делать нас счастливыми? Где сбиты настройки? Почему мы выбираем быть несчастными?

Мы все, каждый человек, заслуживаем счастья и любви. Вот так просто. Именно об этом мне и пытались сказать мои *мужики*.

Я надеюсь, эта книга поможет кому-то. Может, просто будет весело это почитать, а возможно, и вдохновит.

На всякий случай: имена героев заменены на вымышленные, но все совпадения неслучайны!

Любовь. Это самое главное. Это смысл всего. Если нет любви, зачем жить?

Если вас мучает какой-то вопрос, я даю вам подсказку: *Любовь* и есть ответ на все вопросы.

Если вы вдруг не любите, пересмотрите свою жизнь, найдите свою Любовь, не оставляйте это так. Человек не может без нее жить, он может только существовать, как если бы было только тело, без души.

А начинается Любовь с себя, она внутри.

Невозможно любить кого-то, если изначально пусто.

Как можно говорить «Я тебя люблю» кому-то, если ты не любишь самого себя?

Когда бывший муж грубо отверг мою такую большую любовь, я забрала ее. Заперла глубоко в сердце и не выпускала, пока не нашла того, кому ее можно вновь подарить. Она была вся израненная, эта моя любовь, ей долго хотелось только

спать и все.

Так пусто было без нее. И я стала приводить ее в чувство, наполняться ею сама, очень медленно. Иногда даже боялась, что ее там и нет совсем.

А потом я снова увидела ее: сначала в снежинке, кружащей в свете фонаря, потом еще в робкой майской яблоне, лепестки которой зависли в воздухе, или вот в танце бликов на реке. Я знала, что это все она, моя любовь, которая напоминала мне, что она здесь, со мной, оживает.

Она наполняла меня, но я просто была еще не готова снова открыть свое сердце.

На набережной реки Исеть в Екатеринбурге я была на своем месте. Как здорово было просто выйти и прогуляться по ней, наблюдая за прохожими. Здесь всегда кипела жизнь.

Эта набережная, кажется, открывалась мне во всех состояниях.

Я шла по яблоневой аллее, на рассвете, когда солнце едва освещает ее и все такое хрупкое, сырое-акварельное, еще и не высохло.

Нежные белые цветки деликатно дрожали на деревьях, воздух наполнялся сладким, едва уловимым ароматом, в который хочется вдыхаться. Я с удивлением поняла, что наступил май, и яблони нахально распустились, совершенно

без всякого предупреждения. Золотой свет утреннего солнца, которое уже набирало силу, был еще с дымкой. Казалось, в нем застыло это самое мгновение. Так неуловимо красиво.

А как здесь бывало величественно на закате в хорошую погоду, когда небо, пылая, впивалось в окна стеклянных высоток, которые не могли устоять и сливались в закатном экстазе у реки.

Я сбивала каблуки о плиты набережной и вдыхала ароматы душистой летней ночи. Потом заставляла наступление утра, когда неожиданно становилось светло и шумно от птиц. Люди после сна шли по новым делам, а я, неуместно накрашенная, еще не завершила вчерашний день, и от этого становилось немного неловко.

Эта набережная дышала во всю силу своих легких и поздним вечером, когда солнце еще не ушло, и каждый празднует здесь свою жизнь.

На Плотинке, в переходе, молодые музыканты мастерски отыгрывали песню группы «Би-2». Под четкий ритм я вышагивала, как героиня клипа, будто играли специально для меня. Длинные волосы романтично разлетались, не успевая за шагом, мужчины оглядывались вслед, а их спутницы сконфуженно отводили взгляд.

Вот тяжелые басы утонули в мягких переливах балийского хэнга, и я поддалась его меланхоличному звучанию, замедлилась. Потом снова шаг ускорился, что-то этническое захватило пространство. Ритм всей жизни Екатеринбурга

был здесь, в центре.

Пройти мимо тусовки байкеров и свернуть к кинотеатру «Космос». Так короче до дома.

Но чаще я выбирала маршрут, чтобы пройти мимо стадиона «Динамо». Так красивее. На другом берегу, у новенького «Ельцин Центра», отражалось солнце в зеркальных небоскребах, а вода плескалась тут же, под ногами. Закрывала глаза и представляла, что я на море.

Набережная стала безмолвным свидетелем того, как я собирала себя по хаотично разбросанным кускам и осколкам после развода.

Она, как самый близкий друг, наблюдала за моими метаниями и откликалась плеском воды: «Ну тише, тише...»

Исходив километры с музыкой в наушниках, я думала, грустила, надеялась, мечтала, плакала. Да, много плакала.

Эта набережная сводила меня с разными людьми, иногда успокаивала меня, обнимала случайной улыбкой прохожего.

Как-то незнакомый парень просто чмокнул меня в щеку на ходу и побежал дальше, счастливый.

Двенадцать месяцев и двенадцать глав о мужиках. Именно столько времени и опыта мне понадобилось, чтобы собраться и перестать быть хорошей девочкой, встретиться с новой собой.

Вся эта книга – большой пролог к новой прекрасной главе. Но без него я бы ничего не смогла.

Я не верю в сказки и магию, но верю в сказку про хоро-

шую девочку Яну. У нее не было волшебного клубочка или цветочка, чтобы победить Кощея, но у нее было что-то больше. У нее была она сама.

Екатеринбург-Мюнхен, 2018

Мужик первый. Бывший муж

Декабрь, 2015

Моя история так типична и банальна, что кажется приду-манной.

А уже в этом заключается ее нетипичность.

Правду говорят, что все счастливы одинаково, а несчаст-ливы по-своему. И когда человек встречается со своей лич-ной драмой, она кажется ему такой особенной, самой тяже-лой тяжестью из всех на свете.

И носится он с ней, как с конфетой, которая весит тонну, и не знает, что ему теперь с ней делать-то, а отпустить не мо-жет, хоть руки уже отнимаются.

Вот и мне, конечно, хочется думать, что моя история уни-кальна.

Уж я-то страдала, страдала. А потом делишься с кем-то откровением, как твоя история открыла глаза и все-то внут-ри перевернула, и весь мир теперь в новом свете, ты переро-дилась, а в ответ получаешь что-то вроде:

– Деточка, ты что думаешь, ты одна такая? Всех предава-ли, всем изменяли. Ничего особенного в этом нет.

И это страшно. Но в этом и есть ирония: пока ты сам не столкнешься с болью, с лавиной, которая снесет к чертям всю твою жизнь, ты и представить не можешь, что это такое. И с удивлением смотришь на тех, кто это уже пережил, и за-

ново для себя их узнаешь.

Вот я, Яна, двадцать восемь лет, восемь месяцев назад праздновала свадьбу со своим любимым мужчиной. И все там было: хэштеги свои, фотобудка, платье, для которого не ела ничего два месяца, самолетики бумажные по залу, наш с ним романтичный клип, «а я теперь с другой фамилией», «а мы в свадебное путешествие», «а у меня с собой фата в рюкзаке, чтобы сфоткаться у моря».

И вот, я сидела на диване съемной квартиры. Брак распался, не успев надоесть и обрести хоть какими-то признаками замужней жизни. Я не привыкла к новой фамилии и к тому, что я жена. Даже не успела испугаться: «а вдруг потолстею, надену засаленный халат на замке и накручу бигуди?»

Да что там, я и пироги-то стряпать не научилась, а вот он уже и развод.

К этому браку мы с ним шли семь лет и семь месяцев.

И вот, он приехал из путешествия в Индию, чужой и отстраненный, и заявил, что поймал себя на мысли, что «если бы я безумно тебя любил, я бы не ждал так долго, чтобы жениться на тебе». Там было еще что-то про то, что он не готов стать отцом, не уверен, что я та самая единственная, от кого он хочет ребенка... Это я слышала неотчетливо, как из-под воды.

Слова, которые острым лезвием начертили линию, после которой я перестала быть замужем.

Я не сразу поняла, что произошло.

Мы, как обычно, пошли ужинать, потом смотрели какой-то сериал, но в голове выстукивало каждое слово: «если. бы. я. безумно. тебя. любил. я. бы. не. ждал. так. долго. чтобы. жениться. на. тебе.»

Он спокойно заснул, а я с предельной концентрацией рассматривала каждую деталь на красной лондонской будке – узор занавесок, которые я шила сама.

«Если. бы. я. безумно. тебя. любил. я. бы. не. ждал. так. долго. чтобы. жениться. на. тебе.».

Я вдруг поняла, что я больше не могу лежать с ним рядом, дышать с ним рядом. У него больше нет этого права. Он же мне сегодня сказал, что не любит меня и даже не любил.

В животе неприятно что-то шевельнулось. Я ушла спать на диван.

На следующий день собрала самые необходимые вещи.

– Мне надо подумать, – сказала я ему в телефон.

Я еще не поняла, что ушла навсегда.

– Денис, можно я поживу у тебя недельку? У нас все в порядке, просто мне надо подумать, – звонила я из машины, набитой пакетами, *нашему* другу.

Денис снимал квартиру в центре, но сам все время проводил у своей девушки.

– Ээээ... Ладно. Только там в середине недели нужно будет что-то решить, мы с Верой хотели побыть у меня. С тобой точно все хорошо?

Уже после недели мытарства с сумками по друзьям – два

дня там, ночь у подружки «Ну конечно ты не помешаешь!», три дня в гостинице — я узнала, что причиной этого всего стала конкретная Марина, двадцать три года, парикмахер, с которой мой муж изменил мне еще в Индии, и теперь это продолжалось и здесь.

О ней я узнала от ее отвергнутого мужчины.

Владислав, любовник Марины, на аватарке которого в «ВКонтакте» было фото с женой и младенцем, решил, что ему нужен товарищ по несчастью в моем лице. Так он хотел отомстить сопернику, по совместительству моему, резко ставшему бывшим, мужу, сообщив мне все подробности. И жена с аватарки оказалась не Мариной, кстати. Не хватало мне только этой всей «Санта-Барбары».

«Красивые у вас свадебные фото...»

«Только муж ваш наверняка кое-что скрывает...»

«Вряд ли он вам рассказал, как увел мою девушку Мари-ну...»

«У них закрутился роман в Индии...»

«Они и сейчас встречаются...»

Эти сообщения я перечитала, наверное, раз восемьдесят. Сердце стучало бешено, аж до тошноты.

«Я просто решил, что будет честно открыть вам глаза».

Глаза-то открылись, да так, что коллеги начали намекать о моих проблемах с алкоголем: я вдруг замкнулась, а мои открытые Владиславом глаза были опухшими от слез. На работе решили, что от вина.

Боль, злость, обида, разочарование – эти слова обретают физические свойства, когда случаются с нами.

Меня ломало и трясло, как от удара под дых. Ехала за рулем, и вдруг резко скручивало живот, все тело становилось твердым. Это было абсолютное «фаталити».

Тошнило. Все стало липким и вязким.

Я как-то даже не знала, как об этом говорить. Ведь только недавно всем-всем объявила, что я «замужняя дама». На работе в журнале все мои комментарии к модным трендам подписывали новой фамилией, и я радостно сообщала рекламодателям: «Ну что вы! У нас нет кадровых перестановок, это я просто недавно вышла замуж. Ой, спасибо! Да, будем счастливы!»

Поздравления все еще сыпались в мой адрес, а я не знала, как сказать, что это уже не актуально.

Как вообще у нас принято сообщать такие вещи ошарашенным друзьям, коллегам, партнерам?

«Нет, я не бухаю, у меня просто развод, поэтому у меня всегда опухшие глаза»?

К этому моменту я знала своего мужа уже более восьми лет и вот поняла, что не знала ни минуты.

Бессонница. Перечитывала всю нашу переписку, пока он был в Индии, чтобы уловить момент, когда именно они познакомились.

Мне, как мазохисту, хотелось знать все больше и больше подробностей.

Руины, развалины, пепел.

Я не понимала, это был мой муж, а больше не *мой*.

Как я могла так ошибиться? Как могла не заметить? Как мне теперь жить дальше? Как?

Эти вопросы мучали меня. Они сверлом в голове не давали заснуть: «Как? Как? Как?»

В горле застыло рыдание. К чему подавлять слезы?

«Они встречаются, он водит ее в кино, он влюблен в нее, хочет ее. Марина – какое имя! В ней все новое, неизведанное. У нее другой парфюм, она вся такая загадочная, так восхищена им», – эти мысли, как на шабаше, ядовито плясали в голове, дразнили. Я боялась приехать за вещами и увидеть ее в нашем *домике*.

Он все уничтожил. Своими руками он выкинул на помойку такое все наше счастье, надежды на будущее, детей. У нас могли быть такие дети...

«Спасибо, что не на восьмом месяце беременности ты понял, что не любишь меня, а лишь на восьмом месяце брака», – бросила я ему в лицо, мне казалось, это звучало так героически.

Вообще-то я даже очень удобно для него поступила – тихонько ретировалась, где-то сама перебилась, «мозг не выносила», как хорошая девочка. Ему даже ничего не пришлось делать. Просто пришел домой на следующий день, а от меня там не осталось даже запаха, словно и не было нас. Исчезла. Только шторы с лондонской будкой вопросительно смотрели

на него.

Я была как супер-классная собачка, которая, к тому же, смывала за собой. Но он нашел себе другую, новую, только она еще танцует на задних лапках. А ту, первую, можно было просто обидеть, она сама и ушла. Такая вот хорошая *удобная* собачка.

Мозг включил механизм защиты, и я не помнила, как это – когда нам было хорошо. Как заблокированные файлы. Только одно точно – я любила. До слез, до ощущения восторга, до того, что в носу щиплет и хочется смеяться просто так. Он был мой свет, мой воздух, мое все. Я помнила, это точно было. Но я не могу вспомнить, *как* это было. Так странно. Он для меня был такой красивый, я любовалась им, чувствовала, что это моя родственная душа. Я готова была умереть за него, сделать все, пожертвовать. Моя первая мысль была: «Как мы все это преодолеем вместе?» Я ведь еще не знала, что он не собирался ничего преодолевать.

И все же, ради такой любви стоит жить, говорят. Я была счастлива. И слепа.

Кто-то за всю жизнь не испытывает столько счастья и любви, сколько испытала я. Но неужели он действительно не любил меня?

Если это будет важно, я вернусь к этому вопросу, когда пройдет время. Время – мое единственное спасение. Мне нужно было просто это пережить. «Я такая сильная, я справлюсь, я вывезу», повторяла я себе.

Главное – верить в себя. Это получалось с трудом.

Иногда у меня включалась моя способность все анализировать, и я думала: «Вот уже неделю я скитаюсь по друзьям и гостиницам, он знает, где я, но ничего не делает. Если бы он хотел меня вернуть, он бы уже что-то предпринял?»

Я с ужасом понимала, что даже пока не объявилась Мари-на, он говорил правду – он правда не любил меня. Поступки, а в данном случае, *не поступки* – решают все. И как бы тяжело мне ни было принять это, я должна была признать: «Тебе двадцать восемь лет, ты красивая, здоровая девушка и ты в разводе. Твой хваленый брак продержался чуть меньше восьми месяцев. За это время даже ребенка не выносить. Ты зря поменяла фамилию и вообще зря потратила столько времени и сил на этого человека».

Нет, не зря. Для чего-то это было необходимо. Все не просто так. Не бывает такого. Или бывает?

«И все-таки, давай признаем, твой удел теперь любить Стаса Михайлова и скандировать, что мужики – козлы. Однако, это лучше, чем жить с человеком, который не любит и не ценит тебя. Ты достойна того, чтобы тебя любили».

И как мы с повествования от первого лица перешли на «ты»? И почему теперь нас вдруг стало много?

Мысли все спутались в клубок колючей проволоки. Воспаленный ум никак не хотел успокоиться, он жаждал подробностей: больше боли, испытать эту чашу сполна.

Что еще мне оставалось? Только принять весь груз сва-

лившегося на меня горя, со стыдом признаться всем и, прежде всего, самой себе, что отныне я одна. И начать новый год с нового листа. А он встретит Новый год с ней? Что он ей подарит? Мои любимые духи Tom Ford? Или он пойдет по пути «папика» и подарит новый iPhone? В любом случае, это будет совсем другая история, не моя. Но построенная на месте моей. Он будет готовить Марине завтрак и стейки, они будут ездить вместе на море. А он тоже будет заставлять ее вкладываться деньгами в отдых? Или когда у него любовь, все по-другому? Будет ли он жалеть обо мне?

«Не надо думать об этом. Нам осталось пореветь еще дня три, и будем двигаться дальше. Навстречу новому светлому будущему», сказала я сама себе.

«Три дня холода,
Три дня, как три года,
Ай, как холодно
Первые три дня...»
(IOWA)

Предвкушения следующего дня добавляло горечи во рту: ровно два года с того дня, как он сделал мне предложение. Я категорично заявляла, что это был самый счастливый день в моей жизни.

В наших отношениях было мало романтики, с самого начала. Мы и познакомились как-то очень прозаично: мне было двадцать, я просто гуляла с подружкой летней ночью, чтобы развеяться перед началом нового учебного года в униве-

ре, решили пойти танцевать.

На подходе к ночному клубу встретили знакомых, с ними был мой будущий бывший муж. Он отвез нас с подружкой к общежитию, а через два дня позвонил и пригласил в кино. Номер он взял у нашего общего знакомого. Он не понравился мне тогда: полноватый, совсем не мужественный. Но было в нем что-то, что меня привлекло. Трогательность какая-то, простота.

Помню, как мы поели солянки в кафе кинотеатра на нашем первом свидании, а на мультике он уснул. Оказалось, он смотрел его уже четвертый раз. Мне это показалось забавным.

Это было восемь лет назад. С тех пор много всего изменилось, и мы изменились. Будущий бывший муж похудел, я видела его очень красивым, он очень мне нравился. Я поработала над его стилем, все-таки работала в модном журнале, восхваляла его.

Может быть, это я и взрастила в нем эту любовь к позерству, когда все на показ? Ведь в разрыве всегда виноваты оба, так говорят.

И все же. Тогда, в Камбодже, в лодке посреди озера Тонлесап в четыре часа утра я об этом не думала, мы ехали встречать рассвет.

Будущий бывший муж настолько затянул с предложением, что я его уже и не ждала. Это был седьмой год наших отношений. Поэтому когда он вдруг, на рассвете, в рыцар-

ском жесте встал на одно колено, я неосознанно спрятала руки за спину. А потом слезы счастья, день в Камбодже в танце. «Я – невеста!» Мне хотелось кричать об этом всему миру, ну как возможно такое большое-большое счастье и все мне?

Сейчас мне кажется, это было с кем-то другим. Я не могу вспомнить, каково быть той счастливой до одури девушкой, которая кружит в белом хлопковом платье и сланцах на берегу озера в Камбодже, и золотые рассветные лучи играют на ее светлых растрепанных волосах.

Интересно, я уже прошла все эти разрекламированные стадии принятия неизбежного? Точно было отрицание, гнев... Дальше идут попытка договориться с Богом, депрессия и, наконец, смирение.

Я очень хотела быть уже на последней стадии, перепрыгнуть поскорее, без экзаменов.

Вчера мы встречались с ним. Будущий бывший муж пригласил меня в кафе, где едят из пластиковой посуды.

Он много рассказывал о Марине, о том, что у него к ней чувства и что она парится, что рушит нашу семью.

«Хороший ход, Марина, ничего не скажешь. Притвориться слабой и беззащитной, да к тому же благородной девочкой – отличная манипуляция, высший класс. А то, что уже вторая семья развалена с твоим участием – закроем на это

глаза».

Будущий бывший муж подтвердил, что любовник Марины, Владислав – женатый мужчина, который «морочит бедной девочке голову уже три года». За это время они успели родить с женой ребенка, та была в курсе существования Марины.

Я решила держаться достойно: сделала макияж, но не яркий, без этого ощущения тщательной подготовки. Простое элегантное платье, длинные прямые волосы распущены, хороша, что тут сказать?

Я говорила спокойно и не плакала при нем, даже сама немного удивилась своей выдержанности.

– Ты выбрал, наверное, одно из самых тупых мест, которые только можно придумать для такого разговора, – я положила дешевый чайный пакетик в кипяток, который едва не плавил пластиковый стаканчик.

– Злишься? Понятно. Ну, долго мы тут не пробудем.

Он, напротив, выглядел каким-то потрепанным. Под глазами залегли темные круги, кудрявые русые волосы спутались, было видно, что он не мылся уже дня три. Такое ощущение, он не спал ночами.

«О чем он, интересно, думает? Как он вообще расценивает эту ситуацию? О чем мы вообще сейчас будем говорить? Что у него на уме?», я впервые подумала не о себе и о нас, а только о нем. Как ему это все? Одинокие шторы в бывшем нашем доме?

– Ну, я так понимаю, нам нужно обсудить детали развода, – я попыталась сказать это как можно более будничным тоном, будто бы я уже ко всему готова.

– Ты опять играешь в сильную. Ну, играй.

– А что? Дай мне насладиться уже этим процессом, раз уж ты сам меня сюда погрузил. Как, кстати, Марина? Ты ее уже поздравил с тем, что разводишься из-за нее с женой?

– Она, между прочим, очень парится. И вот, что забавно, она мне сказала, что какая-то странная у меня жена, раз так легко сдалась. Говорит, что вряд ли ты меня любила.

– Слушай, то что мы обе знаем, какой ты в постели, еще не дает ей права меня как-то там с тобой обсуждать. Она молодец, хороша. Прикинуться бедной овечкой, и вот уже она не при чем.

– Ну что ты так. Она, хорошая, вы даже чем-то похожи.

– Не смей...

– Она тоже творческая, парикмахер, со своими загонами. Она с этим своим Владом намучилась, он ей нервы потрепал...

– Ты, наверное, единственный в мире муж, который расхваливает новую любовницу перед женой на встрече про развод. Какой же ты странный. Я не верю, что это ты. Как ты мог? Что ты с нами сделал? – тут мой голос предательски дрогнул, и я, чтобы успокоиться, стала пить свой отвратительный чай.

– Ты из меня монстра-то не делай. Радуйся, итак все те-

бя вокруг защищают, а я козел, скотина. Даже мои родители на твоей стороне. Знаешь, как это тяжело?

– Так мне что тебя сейчас пожалеть нужно?

– Ты раздула ситуацию, все мне говорят, что видят тебя в истериках, рыданиях, что тебе больно. А я этого не вижу.

– Пожалуйста, прекрати прямо сейчас. Не опускайся еще ниже. Ты хоть понимаешь, что ты несешь?

– Я не видел ни одной твоей слезинки, – он посмотрел в мое лицо долгим взглядом, будто надеясь, что я прямо сейчас и расплачусь.

Я спокойно смотрела ему в глаза. Ни один мускул не дрогнул на моем лице. Под столом я сжала руки в кулаки.

– Ну, ладно, – сказал он, прервав паузу, – Надо бы уже и закругляться с этим разговором, уже поздно.

Только в этот момент я разжала кулаки и почувствовала боль от впившихся в ладони ногтей.

«Поздно для чего?» – за окном был зимний темный вечер.

Его тон на протяжении всей нашей встречи был спокойным и даже холодным. Если до этой встречи во мне и теплилась какая-то надежда, то он вот здесь, в этой дешевой забегаловке, ее окончательно растоптал. Поэтому уже, действительно, поздно.

Эта встреча ничего не решила, как мне казалось. Вполне возможно, он просто хотел убедиться, что не любит меня, что ничего не всколыхнулось.

Мы попрощались, он уехал, и теперь я могла расслабиться

и больше не держаться. Я шла морозным декабрьским вечером домой и рыдала в голос. Свет уличных фонарей выхватывал темноту, и я видела, как кружат снежинки.

Как только я зашла домой, он прислал сообщение, что «все-таки я хочу развод, я хочу быть свободным».

Будто мы не обсудили это только что. Наверное, он хотел нанести еще один удар.

Решил. Молодец.

Я сползла на пол и зарыдала.

Он не понимал, что изрезал меня на куски с тех пор, как я узнала об их связи. Он сжег абсолютно все мосты. Кстати, надо отдать должное, пафосные фразы не звучат так уж пафосно, когда они значат то, что значат.

Еще одна фраза стала для меня нормальной: «танцевать на чужих костях». Именно это и делал мой бывший муж. Он ведь даже прислал мне ее фотографию! Ну кто вообще присылает фотографии своих любовниц жене? Он *сам* предложил мне собрать вещи, которые я впопыхах забыла, а ключ потом передать его другу, Денису. Развод не в январе, а в декабре – это было его предложение. И все это через социальную сеть.

По сути, мы до этой встречи и не говорили толком ни разу, все через сообщения. Какой же он трус.

Это была новая волна. На тот раз меня не просто накрыло, а снесло в пропасть. Как мне теперь отсюда выбраться? Неужели я выживу после этого? Как он мог? Я лежала на по-

лу, а казалось, что все лечу и лечу куда-то в темноту.

Она, эта Марина, ведь даже не красивей меня. Просто дешевая копия. Выглядела старше своих лет, жесткие черты лица, какой-то странный нос. Она? Я даже не могла воспринимать ее как соперницу, это убожество какое-то. Может поэтому он с ней? Она убожество, а я нет?

Если даже я и прошла все стадии принятия неизбежного до этого, разговор с ним лицом к лицу вернул меня в начало этого цикла. Как я была еще жива?

Я же любила его до одури.

Мы считались классной парой, понимали друг друга с полуслова, у нас были смешные, понятные только друг другу шуточки. Нормальная счастливая семья, про которые не пишут книжки.

Он – русоволосый, кудрявый, энергичный и крепкий, и я – маленькая, но такая же энергичная. И независимая. Мы были из разряда тех людей, союз которых кажется логичным и таким привычным. Мы прожили вместе восемь лет, всем (и мне) казалось, что это навсегда.

Мне даже потом приходилось успокаивать некоторых наших общих друзей, когда они узнали о нашей ситуации.

Я сформировалась в этих отношениях. Мы познакомились, когда мне было двадцать лет. Кто мы в этом возрасте?

Сырой материал с задатками и характеристиками, которые развиваются под воздействием людей, мест и событий.

В этих отношениях я была хорошая девочка, которая добивается всегда всего и всегда сама.

Сама купила себе маленькую красненькую машинку, взяв недостающую сумму денег в долг у своего будущего бывшего мужа, а потом ее выплатила. С этой машиной я потом и осталась в итоге развода. Никакого раздела имущества как такового не будет, он все купил до брака, все было оформлено на него. И здесь я была *удобной*.

Я работала много и энергично. Добилась должности редактора рубрики «Мода» в глянцевого журнале, и этот путь не был простым.

Мне очень подходила эта работа: постоянное движение, рекламные съемки, встречи с клиентами, модная сфера. И тут я проявляла силу своего характера, ответственность. Я как-то всегда рассчитывала только сама на себя и в отношениях, и в работе.

Тот факт, что мои ровесницы получают все то, о чем я мечтала, в виде подарков, а я на все это зарабатывала сама, как-то даже возвышал меня в моих глазах.

Будущий бывший муж меня в этом очень поддерживал: он культивировал во мне эту самостоятельность, всегда говорил, что гордится тем, что я такая независимая.

И без капли конфуза принимал мою половину, которую я вносила в совместный отпуск, а потом и в свадьбу.

То, что я красивая девушка, которая могла иметь все, что пожелает по щелчку – как-то не приходило мне в голову, а будущий бывший муж был скуп на комплименты.

Я даже и не задумывалась, что-то у нас не так. Мы были партнеры.

А я, хоть и ловила на себе взгляды других мужчин, не обращала никакого внимания. Их будто не существовало для меня. Я отвергала ухаживания статусных, влиятельных поклонников, которые могли купить у меня хоть весь журнал, лишь бы я потом приехала к ним на встречу с договором, а они лишний раз увидели бы меня.

Но я была предана своему будущему бывшему мужу. Жила с его родителями в квартире четыре года и не жаловалась, не намекала на свадьбу, меня все устраивало.

Потом он купил квартиру, и я бросилась придумывать, как мы ее обставим, сшила чертовы шторы, продумала весь стиль.

Он со мной превратился в подтянутого стильного мужчину, но также и в эгоистичного и слабого.

Я всегда говорила ему, что он похож на Аполлона, мне очень нравились его пронзительные голубые глаза.

– Ты завидный жених, ты знаешь? Если мы вдруг расстанемся, ты и полгода не будешь один, тебя быстро подберут, такого красавца, да еще с такой стильной квартирой.

Он в ответ приосанивался.

Я сама ставила себя в такую позицию... Даже не знаю,

как это объяснить, я смотрела на него снизу вверх, возносила его.

С ним я выросла. И, наверное, в какой-то момент переросла.

Но продолжала смотреть на него снизу вверх, хотя он для этого не делал ничего.

Я не была зависима от него финансово.

Вот я ушла от него, а уровень моей жизни совсем не изменился, за исключением квартиры. В нашем коротком браке я просто жила с ним под одной крышей, как абсолютно независимая единица.

Впервые мысль о том, что я что-то делаю не так, пробралась в голову еще до свадьбы, в Новый год, во время обмена подарков.

Я подарила ему роскошные дорогие часы: элегантные, но с элементом спортивности, таким, как я видела его. А он подарил мне блокнот-еженедельник и подвеску на браслетик Pandora. От коробки отклеился желтый ценник, он купил его в отделе распродаж.

Это был тот момент, когда обоим неловко, а я улыбалась, как идиотка.

Хоть я часто и была дурой, но не тогда. Я поняла, что он просто сэкономил на подарке мне. Но дело было не в стоимости. Обиднее было понимать, что он даже не задумался о том, чтобы это был подарок, который меня порадует. Он выбрал то, что никак не могло мне понравиться: я не поль-

зуюсь еженедельниками, а браслеты с подвесками не носила к тому моменту несколько лет.

Я все еще тупо улыбалась, смотрела на него и на подарок и не знала, что и делать.

– Как тебе часы?

– Супер! Спасибо, – он радостно застегнул их на запястье.

– Я не пользуюсь еженедельниками. И тот браслет уже не ношу, ты не знал?

– Ой, ну тебе не угодишь, как обычно!

– Ладно, проехали.

Он меня не любил. Добавляя это значение в уравнение, сразу все становится понятным и логичным.

Я видела сон: я с удовольствием ела спелые, сочные, зимние вишни. Деревья были без листьев, но усыпаны красными плодами.

Сонник сказал – предательство, измена любимого человека.

В другом сне я стояла перед зеркалом и сделала ровный пробор посередине – развод и раздел имущества.

Вселенная словно предупреждала и оберегала меня.

Где было дно этого стакана? Я еще не испила эту чашу? Еще не все плоды предательства съела?

Я очень быстро нашла квартиру, чтобы не стеснять друзей.

Зашла за вещами к Денису, он стоял посреди комнаты, с пакетом.

– Ты как?

Я подошла к нему, уткнулась в грудь и зарыдала. Он не знал, куда деть руки и просто похлопал меня по спине:

– Ну-ну...

Он дал мне «Новопассит», усадил на диван, достал гитару и стал петь песню. Дурацкую, но его коронную. Я только помню, как он стоял с гитарой и пытался меня рассмешить.

Я слушала и улыбалась, хоть слезы и не думали останавливаться.

Начиналась моя совсем другая глава жизни, и с Денисом мы уже вряд ли будем так дружить.

Он ведь его лучший друг, мог приехать к нам на чай и остаться до ночи за разговорами на кухне. Как Денис воспринимает эту ситуацию?

Моя жизнь уже рушилась до самого основания.

Восемь лет назад. Мне было двадцать, я сидела в комнате общежития, залитой осенним солнцем.

Телефон запел песней «Мумий Тролль»:

«Здравствуй!

Еще раз, здравствуй!

Привет, красотка, здравствуй...»

«Мама звонит», – я взяла трубку.

– Привет, мамулечка!

Но в ответ я услышала голос Жени, брата:

– Ян, мама умерла.

Пустота, пропасть, застывший крик. Все как в звенящей тишине.

Вот я еду на автобусе туда, где был мой дом, где жила моя мама. Слезы. Ехать долго, шесть часов. За окном я смотрю на звезды. Снова слезы. Они просто льются, я уже их даже не останавливаю.

Потом вокруг было много людей, любопытные соседи, родственники были повсюду:

– Что случилось?

– Какая она молодая! Ну как же так?

– А как это произошло?

Сочувствующие:

– Держитесь, дети!

– Если нужна помощь, мы здесь.

Все эти хлопоты: морг, ЗАГС, оформить и оплатить похороны. Мне помогали мамины подруги, но без меня никак.

Смерть мамы стала не просто потрясением для меня. Она меня смела, как лавина, как страшная морская волна. Вот эта, которая так закручивает и несет в открытый океан. А там ничего, только соленая тишина и такой же огромный, как мир, страх.

Я потом всегда храбрилась, когда речь вдруг заходила о маме.

Эти вопросы так часто возникали, набрасывались из-за

угла: «А мама у тебя где?»

«А с мамой часто общаетесь?»

«Что думает по этому поводу мама?»

Люди, у которых живы родители, наверное, не замечают, как часто их о них спрашивают.

Им не приходится сильно сильно сжимать кисть руки, чтобы перенести боль в другое место и не зареветь. И им уж точно не нужно натягивать улыбку и с фальшивым спокойствием говорить: «А у меня нет мамы, она умерла... Да нет, все в порядке, вы же не знали...»

Когда ее хоронили, я поняла, что такое настоящий кошмар: холодный, бесконечный, с повтором самых страшных моментов до бесконечности. И все это время в центре моя мама. В гробу. Как же так? Это как так получилось? Она не должна была там быть.

Все длилось так долго, будто время стало киселем.

«Поешь что-нибудь, Яна».

Кто все эти люди?

«Какая она молодая! Лежит, как живая...»

Все на нее пялились, я сама не могла отвести глаза. Я же ее больше никогда не увижу.

«Не смотри долго, потом начнет казаться, что она глаза открыла», шепнула мне на ухо соседка.

А мама уже лежала и смотрела на меня в упор.

Когда я проснулась на следующий день после похорон в нашей вдруг посеревшей квартире, я поняла, что могу пе-

режить все.

Я просто смогла после этого жить, чистить зубы и есть. А моей мамы больше не было.

Развод – это было больно, до самых оголенных нервов. Но когда мне было двадцать, я похоронила маму.

Именно тогда во мне что-то сломалось навсегда. Я просто не могла уже чувствовать боль также, я сразу продумывала план выживания. Наверное, тогда было так невыносимо, что те нервы, те глубины, до которых добралась эта кипящая боль, оказались выжжены до основания. И теперь там ничего не осталось.

Я и сама удивилась, как быстро я мобилизовалась и шагнула прочь от своей заново разломанной, уже разводом, жизни.

Это даже пугало, если честно. Но вот так уж в моей жизни случилось, так моя психика спасалась.

Мама... как же мне тогда было... Это не передать. Я шла по улице, вдруг меня сгибало пополам, я садилась и выла. Я не была к этому готова. Оглушительный удар, и я в нокауте.

С братом мы перестали общаться, он впился в меня, как клещ, и постоянно требовал деньги, говоря, что я ему должна. Я была студенткой, как я могла содержать взрослого парня? И ведь я посылала ему деньги, помогала. Он стал моей большой проблемой. Я в шутку называла это «сестринский налог». Несмотря на разницу всего в два с половиной года, он всегда считал себя маленьким мальчиком. Пройдет еще

очень много времени, когда после очередных его проклятий после моего отказа дать ему деньги, чтобы он промотал их с друзьями, я окончательно скажу «Нет» и осознаю уже, что я не могу быть ему мамой. Что ему тоже нужно научиться жить без нее.

Мама болела, год она не могла ходить, но она пошла на поправку, врачи удивлялись ее воле. А потом она узнала, что ее мужчина, мой отчим, стал ей изменять. Это ее сломало.

– Мамочка, ты сильная, ты справишься, – успокаивала я ее в трубку. Что я могла знать об этом? В самый важный момент ее становления, мужчина предал.

Она перестала бороться. Через две недели после этого разговора ее не стало.

Я думала, что ненависть к отчиму убьет меня, но когда я увидела его тогда: круги под глазами, сразу постарел, будто сам умер, я просто не смогла его ненавидеть.

Они прожили вместе шестнадцать лет, и он предал ее. Понял, что натворил, рвал на себе волосы и выл. Я не могла ненавидеть его. Это было что-то сложное между ними только.

Наш дом без мамы не выдержал и стал похож разоренное гнездо.

Отчим ушел жить к той, другой женщине.

Наша семья держалась на маме. Со смертью одного человека, не стало целого маленького мира. На моей свадьбе не было отчима, он не смог приехать. Родной отец, давно уже

живший другой жизнью без нас, тоже не нашел возможности принять приглашение. Брат попросил прислать деньги, чтобы добратся из другого города, я отправила, и в день свадьбы сообщил, что его не будет.

Я выходила замуж, как сирота.

За два месяца до смерти мамы мы познакомились с моим будущим бывшим мужем, мы только начали встречаться. Когда он узнал о ее смерти, то сразу пропал.

Самые страшные месяцы, сразу после потери самого близкого в моей жизни человека, я проживала сама с собой.

Как я не рехнулась, не знаю. В двадцать лет я оказалась в целом мире совершенно одна. Ждать помощи и поддержки было неоткуда. Друзья не выдерживали мою депрессию и постепенно отстранились от меня.

Те месяцы я помню плохо, воспоминания как затертая пленка.

Вот я еду в холодном трамвае, в наушниках песня группы «Бумбокс» на повторе:

«Та что была со мной,

Где ты теперь?»

Как я это пережила? Где я взяла силы? У меня нет ответов на эти вопросы. Разве что мама незримо все же поддерживала меня. Она ушла так внезапно.

Мы с ней были очень близки. Могли болтать часами, смеяться, играть.

Помню, как я уже собралась на уроки в художественной

школе, а мама не хотела меня отпускать.

– Давай с тобой кино посмотрим, поболтаем. Я блинов нажарю. Ты же у меня отличница, ну пропустишь один урок. Все равно ты там лучше всех, приедешь и все нарисуешь потом, на другом уроке.

И я осталась дома, и мы ели блинчики, смотрели кино и болтали. Как нам тогда было хорошо!

Я могла рассказать ей все-все. И мы любили с ней петь, как она пела!

И вот теперь я знаю, какого это, когда твой мир рухнул, а ты осталась на пепелище.

Просто надо было понять, что теперь есть только я. И либо сейчас беру себя в руки и живу дальше, либо пропала.

Я была как закаленная сталь. Думаю, мама гордилась бы мной. Она всегда гордилась. Говорила, что я самая лучшая и сильная.

И вот я снова осталась одна. Лицом к лицу со своей болью. Есть только я. Главное, не потеряться.

Муж стал моим новым миром. Я надеялась с ним обрести тот самый дом, гнездышко, которого у меня не было. Доверилась ему, решила, что вот она – моя семья, я больше не одна.

Ощущения от его предательства похожи на те, которые я испытывала после того, как раздался тот самый звонок с песней «Мумий Тролля».

Господи, помоги мне справиться и пережить. Снова.

Прошло три недели с того момента, как я собрала вещи и ушла от бывшего мужа.

Абсолютное ничего. Безразличие. Пустота.

Я осознала момент, когда я его отпустила навсегда.

Он приехал починить душ. Денис, видимо, передал ему, что мне нужна мужская помощь, я не справлялась.

Бывший муж мог приехать внезапно, без предупреждения, как и в этот раз.

– У тебя есть тряпка ненужная? – он встал в дверном проеме, я сидела на кухне и ждала его ухода.

И вот это был тот момент. Я посмотрела на него и не почувствовала ничего: ни зла, ни добра, ни любви, ни нежности – ничего.

Словно у меня в голове выключили какой-то тумблер, который отвечал за чувства к этому человеку. Какой-то генератор так накалился от боли, что экстренно перешел в энергосберегающий режим.

Я только подумала про себя: «А что он вообще тут делает?»

Я все еще чувствовала тошноту, не могла есть и не спала, но психологически стало казаться, что будто бы все в порядке.

Я спрашивала сама себя: мне не должно быть страшно?

Может, так сходят с ума?

Я уже отошла или это режим на экстренный случай, для моей безопасности?

Через три недели после того, как я ушла от бывшего мужа, ощущения были максимально странными: как после кораблекрушения. Вот меня выбросило в море, и я в нем замерла, в глубине. Не двигалась, просто смотрела в бездну. Сейчас либо утону, либо выплыву. Я медленно погружалась на дно, волосы фатой, платье обвивает тело и путается, плавно танцует ткань. Все замедлилось, а я в толще воды без мыслей. Смотрела как бы со стороны, из глубины, на фоне горящего корабля где-то на поверхности. Руки раскинуты, нет ничего. И чувств тоже нет. Даже этого мгновения в толще воды – его нет.

Я как вообще? В порядке?

Наступил Новый год.

Я налила себе шампанское из изящного бокала, впервые в жизни сама открыла шампанское. Без происшествий, как профи.

Выпила и сразу опьянела. Включила музыку погромче, танцевала и пела.

Решила, что я должна быть роскошной: уложила волосы, надела красное платье, сделала макияж. В зеркале, сильно

похудевшая, грустно себе улыбнулась: такая турбо-красотка, а шампанское сама себе открывала. И стала петь и танцевать.

В планах был роскошный праздничный ужин для самой себя. А пока у меня выдалась минутка подвести итоги уходящего года, по сложившейся традиции.

Как я вообще оказалась в Новый год одна и почему вместе с моим мужем со мной развелись и все мои друзья?

Я отмахнула от себя эту мысль. Сейчас пока не до друзей, подумаю об этом потом.

Этот год начался прекрасно, с планов о предстоящем бракосочетании. Про нашу свадьбу говорили, что это «Свадьба года».

Я очень вдохновенно готовилась к ней, мы продумали стиль, тематику, нашли лучших фотографов, видеографов. Если бы я знала, что в этом же году случится и «Развод года»... У нас была стильная, красивая свадьба, я правда гордилась тем, что у нас получилось. Гости были довольны, мы веселились до глубокой ночи, фото и видео получились крутые. Я была первоклассной невестой, словно из голливудского фильма: нежный сдержанный макияж, простое кружевное платье, в котором фигура смотрелась изящно, как статуэтка.

Вот я уверенно иду навстречу своему жениху по аэропорту, зади яркий боинг, длинная фата развевается на ветру. Темой мы выбрали «Самолеты», бумажные самолетики повсюду.

И через день мы были в небе в пути в наше свадебное пу-

тешество в Вьетнам. Я, как и подобает новобрачной, взяла с собой фату и на фоне невозможно синего моря доставала ее, а мой новоиспеченный муж кружил меня. Казалось, нет никого, счастливей нас.

Это потом Денис, который, по совместительству был и ведущим, тот самый Денис, который отпаивал меня потом «Новопасситом», когда я приехала к нему с сумкой вещей, уйдя навсегда от бывшего мужа, в шутку скажет:

– У мужа твоего такой невроз был в день свадьбы! У него аж руки тряслись, когда он кофе пил. И он еще говорил: «Янка же нормальная девка, в конце концов.» Будто сомневался, вот я посмеялся тогда над ним.

Теперь мне уже это не кажется смешным. Он женился на мне только потому что надо было, а я нормальная, *удобная*.

Денис был почти членом нашей маленькой семьи, а тут оказался меж двух огней.

Во время нашей свадьбы он отвел меня в сторону от шумного веселья и серьезно так сказал:

– Янка, я хотел тебе сказать, ты только не смейся. Ты для меня эталон женщины, которая должна быть женой. Твоему мужу несказанно с тобой повезло!

Я была тронута от такого искреннего признания. Это не было свойственно Денису, который много шутил, иногда с сарказмом, такие теплые слова не были обычны для него, аж сам сконфузился.

Но я всегда знала, что он добрый хороший парень, и в какой-то степени заменил мне брата. Я понимала, что наша дружба не будет такой, как раньше. Уже ничего не будет так, как раньше.

То единственное лето, когда я была женой, было такого рода, которое не врежется в память. Не происходило ровным счетом ничего интересного, кроме того, что это был единственный полный сезон, когда я была замужем. Поженились мы в конце марта, а уже в конце ноября я ушла от своего мужа навсегда.

Как же я сейчас благодарна, что не забеременела тогда, замирая в ожидании над результатами очередного теста.

В то лето я скучала. Хотела путешествовать, впитывать солнце и... внимание мужа. Став его женой, я как-то стала остро чувствовать нехватку его комплиментов, приятных слов, сюрпризов. Но мне было удобнее не думать об этом.

И вот он улетел в Индию с Денисом, а я осталась в нашей пустой квартире одна. В *его* квартире. Оставались считанные недели до того, как я покину этот дом, гнездышко, которое мы обустроили, и где я уже даже придумала место для кровати нашего малыша, о котором мечтала.

Эта поездка вообще была своего рода мне пощечина. Он, по сути, совершил без меня путешествие *моей* мечты.

Я составила этот маршрут, как только перевернула финальную страницу книги Грегори Дэвида Робертса «Шантарам».

Я рассказала о нем будущему бывшему мужу и Денису во время одного из традиционных чаепитий у нас дома:

– Это не путешествие, а мечта: Дели, Мумбаи! Обязательно выпить коктейль в кафе «Леопольд», где любил бывать главный герой книжки! Потом дворец «Тадж Махал» и переваривать впечатления на пляжах Гоа.

И как-то они стали планировать отпуск, но без меня.

Почему-то не хотели они ехать в декабре, когда я спокойно могла взять отпуск, а собирались именно в ноябре, когда у меня был бы обычный завал над новогодним номером журнала.

– Но это же несправедливо! Я, в конце концов, придумала эту идею. Почему ты не хочешь поехать со мной? Мне ведь тоже хочется путешествий, и я твоя жена... – я пыталась убедить своего мужа передумать, говорила об этом несколько месяцев.

Но он все-таки улетел с другом. Мне оставалось только смотреть их фото, которые он мне присылал, и вздыхать. Это уже был не звоночек, а колокола били в набат, но я выбирала не думать об этом.

Пока он был в придуманном мной путешествии, мы переписывались каждый день. Я тосковала, чувствовала себя неудобно, оставленная мужем. Мне было непривычно мое одиночество.

А потом он вернулся и все уничтожил.

– Ты знаешь, я все думал в Индии... Если бы я безумно

тебя любил, я бы не стал ждать столько лет, чтобы жениться на тебе. Наверное, надо повременить с ребенком. Ты ведь дочь разведенных родителей, вряд ли ты хочешь такую судьбу своим детям.

Фраза, которую я заучила наизусть. Она заела в голове, даже в тишине, стоило мне отвлечься, я слышала это ненавистное, честное, что зубы сводит:

– Если бы я безумно тебя любил, я бы не стал ждать столько лет, чтобы жениться на тебе.

Каждый раз, когда я видела его и он молчал, в голове безжалостно отчеканивалось:

– Если бы я безумно тебя любил, я бы не стал ждать столько лет, чтобы жениться на тебе...

Одна фраза, а в ней выражено все. Все ответы в ней одной. Так-то идеально построенная фраза.

После восьми месяцев брака я осталась одна, на съемной квартире по адресу переулок Красный, 17, квартира 3.

Я закрыла блокнот. Итоги года подведены, можно послушать президента. Блин, у меня же даже телевизора не было.

После боя курантов

Новый год начался интересно.

Встретила я его не одна, как собиралась.

Пока искала в интернете запись речи президента, в мое окно раздался стук. Я жила на первом этаже.

Это был он – бывший муж. Я не ждала его и разозлилась, что он пришел.

Но открыла ему дверь.

Как только я увидела его, весь мой бодрый запал сник.

Решила про себя: «Напьюсь». И напилась.

Три бокала шампанского на голодный желудок – рецепт прочистить не только желудок, но и голову.

Мне сразу стало плохо, вдруг просто вывернуло наизнанку.

Я совсем не умела пить, а тут будто специально травила себя до тошноты. Это не давало мне возможности задуматься над тем, что он подарил Марине деньги, а она купила платье. А он ведь пришел и рассказал мне зачем-то. Это также и не давало мне возможности задуматься над тем, зачем он вообще здесь. Не самый красивый способ отвлечься, но мне пришлось импровизировать. Я хотела, чтобы он уехал отсюда, я не хотела его видеть и слышать.

Из меня, такой красивой, не изящным способом выходило все, что я не сказала ему, не выревела у него на глазах.

Я спала пьяная, бывший муж уехал.

На утро мне было еще хуже. «Больше я не пью» – сколько человек 1 января говорят это? И я тоже сказала.

Я задумалась: действительно, была ли у меня любовь к мужу? Может настоящая любовь так быстро пройти? Тогда, когда я поняла, что ничего не чувствую к бывшему мужу, я не могла поверить, что вообще любила его.

Я помню, что пока меня полоскало от новогоднего шампанского, он говорил, что думает, как вернуть меня. Выбрал момент, конечно, ничего не скажешь.

Никак. Он уничтожил меня. Я знала, что не смогу такое простить.

Вернее, простить я, конечно, попытаюсь. Но вместе мы уже не будем. Это факт.

Я не могла о нем думать, презрение было так сильно, что мне даже становилось обидно за него.

Он ничего не делал, только писал изредка сентиментальные сообщения:

«Прекрати вести себя, как ребенок. Наигралась и хватит. Мне без тебя плохо...»

Так я научилась видеть трусость у мужика сразу. Первое, с чем решительно определилась в Новом году – это то, что мой мужчина не будет трусом. Раньше даже не задумывалась над этим...

Я думала, что мой муж сильный, но он открылся для меня как человек слабый, эгоистичный и загнанный. Меня непри-

ятно удивило такое открытие. Как же я могла выйти замуж за такого человека?

Я часто анализировала нас. Думала о том, кем он вообще был в моей жизни.

Трезво мыслить не получалось: я была настолько разбита, что иногда могла просто задуматься и смотреть в пустоту, пока не стемнеет. Выпотрошена.

Как если бы он всадил мне нож в спину и провернул несколько раз, а потом вдруг обвинил меня, что я устроила шумиху, чтобы выставить себя перед всеми хорошенькой и правильной. Он предъявил, что я так просто его отпустила, не боролась за него.

В идеале, по его мнению, мне нужно было разобраться с Мариной. Подражаться с ней?

«Если любишь, то не отпустишь», – пафосно писал он в сообщении. «Значит, у тебя была только привычка, а не любовь», – хватило наглости у него сказать мне.

«Этого всего бы не случилось, если бы ты любила меня больше, чем себя»...

«Все видели тебя и говорили, что ты раздавлена, тебе больно, но Я этого не видел»...

«Играй дальше в сильную и независимую, у тебя так хорошо это получается»...

Все эти фразы, которые он посмел мне предъявить, в его голове призваны были сделать так, чтобы я вернулась к нему. Мне даже комментировать это не хочется. Он вдруг стал вы-

ставлять все так, что он просто остуился, а я не поддержала и не поняла. Очень мило. Он хотел видеть мои слезы и боль. Это все было только для того, чтобы потешить его эго. Как мерзко.

Он выпотрошил меня, как кальмара, а потом обвинил меня в том, что я не протухла.

А мне было так больно, так не хватало обнимашек.

У нас с ним было такое понятие «подробные обнимашки». Это когда ты вкладываешь в объятия высший смысл, делишь с другим человеком энергию, когда вы одно. Как в фильме «Звездная пыль», там девушка-звезда обнимала своего возлюбленного и шептала ему «Сияй», и их свечение побеждало все зло, которое было вокруг. Это было у нас с ним, я так же шептала ему «Сияй»...

У нас было нечто прекрасное. Нечто, чего ищут многие в этом мире. И это прекрасное он растоптал. Эту вазу уже не склеить, он потанцевал на ее обломках.

«...когда слезы ровно делят на три части лицо,

И не осталось надежды на себя самого.

Надежда – самообман, но это все, что у нас есть,

Она ходит по рукам, продавая свою честь.

Эта лживая тварь пыль пускает в глаза,

Исчезая в тот момент, когда она так нужна...»

(Дельфин)

Потом бывший муж пришел вместе встречать Рождество. Я никак не могла его понять – чего он хотел? Когда он зво-

нил, я сказала ему, что он потерял меня навсегда и может не пытаться что-то исправить. Мне показалось, что фразу: «Хорошо, но я все равно приеду к тебе вечером» он говорил сквозь слезы.

Он приехал с вкусняшками. Привез «девяток» киндер-сюрпризов, и мы собирали игрушки. Еще вручил букет с пихтой, розами и мандаринками и детское шампанское. «Потому что мы больше не пьем». Я ответила на это, что «Нас больше нет».

Потом он ушел. Осталась только пустота и армия игрушечных «Мстителей».

Под утро мне снилось, что я плаваю в мутной, грязной морской воде. Гребаный символизм. Расшифровывать значение не хотелось, хотя даже через пелену все было ясно.

Через неделю

Было еще одно интересное чаепитие с бывшим мужем. Мне уже надоели эти его визиты, но они стали чем-то привычным, как страшные обои в комнате, которая служила мне и гостиной и спальней.

– Что ты за привычку такую взял: приходить сюда, когда тебе вздумается?

– Итак, я решил, что хватит с нас глупостей. Я решил тебя вернуть и пришел узнать, какой твой настрой.

Как мило. Решил.

Мы сидели за столом, который был частью углового гарнитура, такие обычно стоят на отшибе по бросовым ценам, и их покупают для съемных квартир, а потом увозят на дачу. Я рассматривала уродскую обстановку своей кухни: ящички обклеенные «под дерево», клеенка в некоторых местах отошла. Как я вообще могу тут жить?

– Что Марина послала тебя подальше? Что изменилось? Ты уже не можешь меня вернуть. Этот момент упущен. Я уже не смогу с тобой быть. И я тебе это уже говорила.

– Понял, значит не буду пытаться, – с этими словами он резко встал и пошел одеваться.

Ему нужны были гарантии, что если он вздумает меня возвращать, я не буду сильно сопротивляться. И только тогда он начнет что-то предпринимать. А тут такой облом. Неужели

он реально ждет от меня каких-то первых шагов?

Я стала другими глазами смотреть на пространство, в котором я жила и в которое сейчас так громоздко не вписывался мой бывший муж. Ясно, что он не осознавал масштабов устроенной катастрофы. В его восприятии это все какие-то пустяки, ошибка. Вот мы сейчас посмеемся и начнем вместе собирать мои вещи обратно.

Он не видел это моими глазами: предательство, уничтожение и убогость вот этого самого момента.

Как только понял, что никакие вещи мы сейчас собирать не будем, он так быстро ретировался, я даже не успела кинуть «Пока» в сторону двери.

Я понимала, чего он хотел. Вернуть все как было раньше – самое простое. Он не осознал, что кроме презрения у меня к нему больше ничего не осталось. Я сама еще только начинала это понимать.

Мы все не подавали на развод. Бывший хоть и хотел решить все еще в декабре, теперь все чаще стал говорить, что не собирается разводиться.

– Дорогой, без детей и раздела имущества это можно легко сделать и без тебя. Но раз уж это была твоя инициатива, то ты этим и занимайся.

Я привыкла к мысли, что скоро буду беременной. Мы го-

товились к этому.

От этого еще труднее было принять новую реальность, где впереди вместо туго натянутого живота маячили бездна, пропасть, ничего.

Я ведь даже не загадывала желания на Новый год, просто забыла об этом. Никаких планов на будущее, совершенно разбита. Не способна мечтать, чего-то хотеть, кроме того, чтобы завернуться в кокон и спать.

Он не понимал, думал, что я просто гордая и упертая. Дело было не в этом. Если бы он заглянул внутрь, ко мне в душу, он бы ужаснулся от того, что сотворил со мной. Я никакая. Пустая. Сама до сих пор боялась туда заглянуть, будто это темный подвал, из которого веет холодом. Там что-то трещало в плотной тишине, а чернота такая густая, что из нее выходило все то страшное, на что хватало фантазии.

Он ушел, я сидела в ступоре на этом угловом гарнитуре, никогда бы такой не купила, кто только придумал это? Слезы уже привычно собрались на подбородке и капали на колени.

Только я немного успокаивалась, как он снова был здесь, встряхивал меня, чтобы раны не вздумали затягиваться.

Как мне все это надоело.

Через две недели

Я все время была в странном состоянии, что-то начинала делать и замирала в процессе, будто кто-то нажал на кнопку «пауза» на спине. Сны были типичными для такого состояния: клейкие и тяжелые.

Бывший муж тогда смутил мой анабиоз в очередной раз.

У него вдруг будто второе дыхание открылось, стало даже казаться, что он настойчиво намерен исправлять ситуацию.

Писал со слезами, что любит меня, что жить без меня не может, умолял простить. Сказал, что ему плохо без меня и он готов искупать свою вину кровью. Так и написал: «кровью». Так-то это смешно, можно ведь целую очередь саркастических шуток придумать на это «я готов искупать свою вину кровью», но я почему-то потерялась.

Уже прошло два месяца после нашего разрыва.

Я считала себя абсолютно свободной девушкой, по-крайней мере, хотела считать.

– Развод – это только вопрос времени, – преувеличенно громко заявляла я себе и другим.

Я предполагала, что у него начнется период, когда он начнет кусать себе локти. Ждала его, прокручивала в голове до деталей.

Но когда этот период наступил, оказалась не готова к нему. Так быстро? Вместо всех красивых и злых фраз, ко-

торые я оттачивала у себя в голове, мне вдруг стало его так жалко.

Я знаю эти эмоции, испытывала их к отчиму. Конечно, это он был виноват в смерти мамы. Если бы это можно было доказать в суде! Но когда я увидела его тогда, в нашем осиротевшем доме, не смогла ненавидеть его.

Жалость была сильнее ненависти.

«Что ты со всеми нами наделал...», только и пронеслось в мыслях, когда я отводила его руки от головы, чтобы он перестал рвать на себе волосы. Я такого отчаянья даже представить не могу. Я вообще думала, что это такое книжное клише «рвать на себе волосы», но потом собирала эти ошметки с пола, они были не придуманными.

И вот теперь я испытывала схожие эмоции. Мне было жалко своего бывшего мужа, который разрушил нашу семью и теперь начинал понимать, что он натворил.

«Что ты со всеми нами наделал...»

Я не знала, как реагировать в этом случае. Наши дороги с отчимом разошлись, и у меня больше не было причины играть роль его дочери.

А здесь как быть? Также, получается? Я же больше не его жена?

Я просто не видела другого выхода из этой ситуации, хоть и пыталась внимательно смотреть. Нет, я не могла к нему вернуться. Я же больше не смогу ему верить никогда. Не забуду это предательство, не смогу любить как раньше. Он сделал

меня слишком самостоятельной и независимой. Это же как пить чай из разбитой чашки и представлять, что она целая!

Тогда, на встрече в забегаловке с обсуждением развода и того, как чудесна его новая избранница, я сказала ему, отчеканивая каждое слово:

– Я хочу попросить тебя только об одном: когда ты через два-три месяца осознаешь, что именно ты натворил и начнешь жрать свои локти, не приползай ко мне на коленях и не моли вернуться. Это будет жалко и пошло, но я знаю, что это будет. Я просто сейчас тебе говорю: нет. Ты уничтожил все, мы в точке невозврата, не приползай ко мне.

И вот этот момент наступил. Два месяца прошли так быстро и так мучительно медленно одновременно.

Мне так хотелось позвонить хоть кому-то и сказать: «Мне очень плохо. Паршиво. Пожалуйста, спаси меня. Скажи, что все будет хорошо, даже если не будет. Спаси...»

Мне некому было это сказать.

Через две недели

Я снова ездила за вещами к мужу домой. Удивительно. Квартира стала абсолютно его. Моей энергии там вообще не осталось, даже запах стал другой.

Есть такой особый аромат у каждого дома. Ты его не замечаешь, пока он не исчезает. И когда ты приходишь в гости к кому-то первый раз, он сразу по-хозяйски ударяет в нос.

Вот у нас он тоже был. Я это поняла, когда приехала забирать последнюю партию своих вещей и не обнаружила его.

Я абсолютно ничего не почувствовала, будто зашла в чью-то чужую квартиру. Но ведь так и было: это квартира не была моей ни одной секунды, бывший муж купил и записал ее на себя еще до свадьбы.

Но как так может быть, что я ничего не почувствовала? Не возникло яркой вспышки воспоминаний: вот мы сидим за завтраком и что-то смеемся, вот я только закончила уборку и включила лаундж, а он подходит сзади и целует меня в шею.

Неужели мои защитные реакции настолько мощные, что не пропустили ни одно такое воспоминание? А они ведь точно накинлись на меня с порога, но разбились у невидимого барьера, который я вокруг себя построила. Спокойно разобрала вещи и уехала, даже не оглянулась, чтобы окинуть последний раз взглядом свой бывший дом.

Ком в горле, сесть и пореветь – вот этого не было. Просто повернула ключ в замке и пошла к лифту.

Кажется, пришла пора сказать окончательно «Прощай» этой части моей жизни, и я оказалась готова.

Конечно, это трудно принять. Но и не принять невозможно.

Это то, что случилось бы неизбежно.

Как бы мне не было жаль «нас», вариант «простить и двигаться дальше» я исключила из повестки сразу.

Да, мы были прекрасны в своем счастье. Пусть даже я и жила иллюзиями. Тут обычно и наворачиваются слезы, ком в горле и вот это вот все.

Мне жаль себя ту, прежнюю. Я была так непосредственна, естественна, наивна.

Буду ли я еще когда-нибудь такой?

Те счастливые «мы» остались записанными на пленку времени где-то во Вселенной. Там мы танцуем дурацкие танцы, поем «наши» песни, называем друг друга милыми именами.

А, это невыносимо. Писать вот это очень тяжело. Это самая сердцевина боли. Это та самая рана, на которую я боюсь посмотреть, тот самый подвал с его кишасей чем-то темной. Дверь приоткрыта и манит.

Через два месяца

Бывший муж снова приезжал ко мне, когда я болела, заваривал мне лимонно-имбирный чай.

Он снова попытался поговорить, я только отхлебнула чай:

– Спасибо, давай не будем.

Он посмотрел на меня с мольбой.

– Я ведь хотел только, чтобы ты поняла свое одиночество и что ты не сможешь жить без меня. Хотел увидеть, что ты любишь меня безумно.

Я усмехнулась.

– То, что я справлюсь, а любовь к тебе пройдет, явно не входило в твои планы.

Это не был наш последний разговор. Но именно тогда, когда я, укутавшись в плед, пила чай, сидя на безвкусном диване, который наверняка покупали вместе с тем угловым кухонным гарнитуром, мы спокойно и без упреков оба подвели черту, за которой «нас» уже быть не могло ни при каком развитии ситуации.

Я тоже была виновата в нашем разводе, мне не хватило мудрости смягчить свой характер и показать мужу, что я могу быть слабой и он был мне нужен. Я не смогла найти тот язык, который он бы понял. Бывшему мужу нелегко было быть сильным рядом со мной, а я свой внутренний стержень никогда не скрывала.

Наверное, на подсознательном уровне ему хотелось сломить меня и победить, чтобы доказать, что он мужчина и способен на решительные действия. Он не мог понять, что я любила его, но была слишком независима.

Я не знаю, насколько показателен пример нашего расставания. Мне было в какой-то степени проще принять решение об уходе – мой бывший муж ничего не делал, чтобы вернуть меня, я не видела никаких поступков с его стороны. Его странные гостевые визиты, наверное, считались бы за реальные шаги, но, блин, они никак не соотносились с масштабами разрушений.

Это как разбомбить город, а потом приходить в самый эпицентр развалин и проверять, точно ли там все уничтожено.

Свои неприлично длинные для мужика сообщения и всю «локте-кусательную операцию» он развернул только через два месяца, когда главный шок прошел, и я вновь обрела способность анализировать.

В этом заключается глобальная разница в переживании разрыва мужчиной и женщиной.

В конце этой довольно лирической главы добавлю немного аналитики.

Женщина в течение первых двух-трех месяцев переживает следующие этапы в хронологическом порядке:

- Оказывается на дне депрессии и апатии.
- Начинает совершать глупости, чтобы забыться. Это бу-

дет видно из следующих глав.

- Берет себя в руки и перестает раскисать.
- Бодрится и пытается уверенно смотреть в будущее.
- Отмечает победу над жизненной ситуацией и празднует свободу.

Мужчина, по забавному совпадению, переживает все в точности до наоборот:

- Отмечает победу над жизненной ситуацией и празднует свободу.
- Бодрится и пытается уверенно смотреть в будущее.
- Теряет контроль над собой, начинает раскисать.
- Начинает совершать глупости, чтобы забыться.
- Оказывается на дне депрессии и апатии.

То есть, к тому моменту, когда мужчина осознает, что произошло и начинает испытывать боль и желание все исправить, женщина уже воспряла духом и готова двигаться дальше. Инь и янь, это же давно известно.

Именно так, как по инструкции, произошло в нашем случае.

Аналитика требует также и итогов.

Я не могу винить своего бывшего мужа за все это, ведь мы как-то вместе к этому пришли. И дело здесь не в измене и предательстве, а в том факте, что он меня не любил.

Я была слишком удобной, сильной и независимой, хорошей девочкой. Истинная роль, быть любимой женщиной, была забыта, и я не вспоминала о ней до тех пор, пока бывший

муж не указал мне на то, что ее вообще у меня и не было.

Я не брала этот факт в уравнение наших отношений, мне казалось, что все у нас замечательно. А поговорить по душам, действительно по душам, нам как-то не удавалось. Он всегда уходил от разговора:

– Ты у нас романтичная сентиментальная, а я сухарь.

Я была ему верна, у него и мысли не возникало мне не доверять.

Как-то, за несколько месяцев до разрыва, под дворниками машины я увидела записку:

«Вы просто невероятная девушка. Я бы очень хотел с вами познакомиться. Мой телефон... Позвоните мне, пожалуйста. Руслан.»

– Смотри, у меня появился поклонник! – я показала это будущему бывшему мужу.

– Сама небось написала, чтобы я тебя поревновал, – сказал он со смехом.

– А ты что, думаешь, что я никому не могу понравиться?

– Ой, глупости не говори, – и он продолжил читать новости и пить кофе.

Я сохранила записку как напоминание, что я красивая и интересная девушка. От будущего бывшего мужа таких напоминаний почему-то не было. Он не говорил мне комплименты, объясняя это тем, что он «черствый сухарь».

Но ведь приятности говорят, когда человек нравится, а уж когда ты кого-то любишь, их просить не приходится.

И как только в уравнение наших отношений внести параметр «Он меня не любил и не любит», сразу все встает на свои места и не возникает вопросов.

Невозможно спасти брак, если он (или она) не любит. И я благодарна, что у него все же нашлись силы сказать мне правду, а у меня – достойно уйти.

Теперь я знаю, что если мужчине на тебя все равно, он не делает для тебя ровным счетом ничего, не говоря уже о каких-то подарочках-сюрпризах, то причина может быть до абсурда проста: он просто не любит, ему наплевать. Вот так все просто.

Официальный развод у нас случился только летом. Но я развелась с этим мужчиной в конце ноября 2015 года, услышав от него ту самую идеально построенную фразу:

– Если бы я безумно тебя любил, я бы не стал ждать столько лет, чтобы жениться на тебе.

Мужик второй. Женатик

Январь, 2016

И вот я оказалась в мире, где я больше не замужем. Нужно было как-то приспособливаться к такому новому, давно забытому состоянию: я – свободная девушка.

Мир мужиков открылся мне во всем своем разнообразии, как в магазине леденцов. Только мне совсем не хотелось сладкого. Но с прилавка, из-за приветливо распахнутых дверей, уже манили конфеты, почуяв мои колебания.

Не думая о новых отношениях, я переживала развод в убогой съемной квартире, которая когда-то была переделана под офис.

Квадратные люминесцентные лампы, вмонтированные в потолок по-рабочему шумели, свет в одной из них нервно подергивался, а я сидела и строчила в дневнике план действий. Это помогало мне отвлечься: что-то писать в дневнике, планировать. Я выводила с нажимом на ручку: «Пора это прекращать, я проваливаюсь на самое дно...»

Первое правило, которое мне нужно было усвоить в мире, где я теперь «разведенка» – «не залипать». То есть не закидываться на мужчинах, не впадать в зависимость. Кто бы мне еще про это тогда сказал? Ведь это-то и есть самое трудное, особенно когда раны еще свежие, когда хочется подсознательно переключиться на кого-то, чтобы выкинуть из го-

ловы бывшего мужа.

Тут «залипалово» может быть такого уровня, что ты реально думаешь, что тот парень, который только что пропустил твою машину вперед в пробке, стоит твоего внимания. И ты какое-то время продумываешь совместное счастливое будущее с ним. Или тот мужчина в метро. Он посмотрел вслед... Все, пора ждать, что он будет караулить тебя день и ночь на этой станции, чтобы только познакомиться с тобой. И ты ждешь его, а он не караулит.

Кассир в кинотеатре, уборщик в столовой, тусовщик в клубе – ты готова «залипнуть» за любого, дай только малейший шанс. Опасная стадия. Важно, чтобы рядом была подруга, хоть кто-то с холодной головой, кто вовремя даст отрезвляющую пощечину, но, конечно, мягко. Тут психика слегка неустойчивая, надо аккуратно.

Еще более опасно – в таком состоянии, когда самооценка жалко влачит свое существование где-то на дне того самого подвала, куда я все еще боялась заглянуть, можно «залипнуть» на женатике.

О, эти загадочные, такие романтичные женатики. Спутники твоего низкого достоинства, чувствующие отчаянных женщин за километры.

В самом начале моей разведеночной жизни я была уничтожена. Я находилась в каком-то бесконечном стремном полусне и постоянно редела.

Это было то, что нужно для появления Вадима. И он

тут же возник. Материализовался, словно тут и был, ожидая. Я знала, что он женат, и вообще не обращала на него внимание.

Но вдруг он стал проступать на унылом фоне моей жизни. Мужчина-герой, колоритный персонаж захватывающей истории. И он виделся мне таким интересным, другим, запретным. Но самое главное – новым. Я не находила его очень уж привлекательным. Если не брать во внимание его высокий рост и большие сильные руки, он вообще был не в моем вкусе. Его лицо можно было назвать скорее некрасивым, с маленькими, слегка прищуренными глазами, нос явно был сломан несколько раз, подбородок заострен, как у книжного злодея.

Но если ты со своей подвальной самооценкой попала в поле зрения женатика, скорее всего, его даже самая заезженная схема соблазна сработает.

И вот уже я присматривалась и замечала не замеченную ранее харизму, мне виделась какая-то его бешеная сексуальность.

Впервые возможность увидеть Вадима в новом ракурсе запретного женатика, у меня представилась когда у меня «сдох» аккумулятор, и мне нужна была помощь.

Кстати, что нужно учитывать начинающей «разведенке», это то, что теперь собственная машина будет доставлять массу неудобств. Она же стала моим инструментом прокачивания женственности.

С мужем я научилась быть самостоятельной и независимой, и, как итог, он не мог принимать решения и оказался слабым трусом. Я решила, если я хочу быть с внутренне сильным мужчиной, значит мне нужно было научиться быть слабой, стать настоящей женщиной, найти в себе ту самую девочку-девочку, о которой хочется заботиться.

Машина подходила идеально, чтобы проявить свою слабость и попросить мужчину о помощи. Тактику я продумала, а вот о том, кого именно привлекать не позаботилась.

В зоне видимости не было мужчин, только Вадим.

Мы познакомились на корпоративном праздновании Нового года.

— Что-то ты грустишь. Дай угадаю, тебе точно нужно шампанское!

И вот аккумулятор. Я набирала сообщение на компьютере: «Привет, Вадим! Помнишь, мы виделись на корпоративе? Тут такое дело...» и стирала.

Потом еще раз и снова. Курсор выжидательно мигал после «Привет, Вадим!». А, ладно, это всего лишь просьба дальней коллеги, ничего он не подумает. Отправила.

Я потом долго про эту «дальнюю коллегу» шутила, почти как «дальние родственники».

Он согласился, и в тот же вечер установил мне новый аккумулятор в машину. Я была немного ошарашена, как легко и быстро это у него получилось.

Самое забавное, я давно знала Вадима, видела в офисе.

Но нам не приходилось общаться, кроме того случая на корпоративе. Я даже думала, что он недолюбливает меня.

Но тогда, когда он помогал мне с аккумулятором, Вадим говорил со мной, будто мы были добрые знакомые, рассказал, как у него первый раз ломалась машина. Я с каким-то излишним восторгом сказала: «Вадим, это так интересно!»

Через пару дней он позвонил мне, предложил выпить кофе и прокатить на своем новеньком Mercedes.

Я удивилась. Змейкой закралось: «Ага, а ты ему понравилась!», но я решила, что ничего не поняла, и вечер был свободным.

Как только я села к нему в машину, уже не могла игнорировать: сразу почувствовала, что нравлюсь ему. От этого открытия я смутилась и... обрадовалась.

Потом он пригласил меня на обед, заплатил за него. Это было уже совсем неприемлемо.

– Господи, ну дай коллеге-мужчине оплатить твой бизнес-ланч! Ты и взяла-то всего лишь салат.

Я успокоилась и подумала, что просто приняла вежливое общение за флирт. Мы говорили только о работе, он формировал новый отдел продаж и его как-будто интересовало мое мнение, ведь у меня тоже была руководящая позиция в издании. Когда я стала отчетливей видеть вот это «как-будто»?

В другой раз мы случайно встретились в кинотеатре, куда я ходила с коллегами.

– О, привет! И ты тоже здесь! Как фильм?

– Ничего такой, но что-то мне не зашел, – мне не хотелось вдаваться в подробности, что весь фильм я только и думала, что о своем разводе и вообще не следила за сюжетом.

Мы пробирались к выходу среди множества людей, и Вадим невзначай тронул меня за талию. Казалось бы, невинное прикосновение, но меня как обожгло. Я обернулась, он смотрел в другую сторону, приветствовал коллегу. «Может, показалось?»

Он предложил обсудить впечатления от фильма за ужином, собиралась компания коллег. «Ну что такого?»

В ресторане мы мило болтали, но его реплики ко мне все больше напоминали флирт. Хотя он говорил о своих детях, абсолютно безопасная, казалось бы, тема, вдруг обращал взгляд на меня и по-свойски подмигивал.

Я только-только ушла от мужа, еще не разобралась, что делать дальше, была раздавлена и чувствовала себя, как амеба.

А тут Вадим вдруг стал проявлять знаки внимания, которые для меня, как еще недавно замужней девушки, были в новинку. Конечно, мужчины всегда делали мне комплименты, пытались флиртовать, но я неизменно показывала на кольцо, и дальше все прекращалось. Теперь же я была, в общем-то свободной, и этот статус меня ошеломил.

Роман с женатиком точно не входил в мои планы. Я ведь как раз была на месте обманутой и отвергнутой жены, поэтому не могла спокойно принимать ухаживания Вадима. Я

решила идти самым простым и эффективным способом отвлечься – уйти в работу.

Мы только что сдали в печать новогодний номер журнала, можно было выдохнуть и расслабиться, но я занялась планированием, подготовкой коммерческих предложений, я ведь не просто рядовой менеджер, а редактор! Я очень гордилась этим своим карьерным достижением. Я пришла сюда простым менеджером по рекламе, слегка разочаровавшись в профессии дизайнера одежды, к которой шла много лет.

Это вообще в моем характере: поставить цель и идти к ней. Так я решила, что хочу быть дизайнером, закончила университет с красным дипломом и ректор вручал мне его лично, я была одной из лучших выпускниц того года, моя фамилия до сих пор висит на доске почета в главном холле.

Я уверенно пошла в профессию дизайнера одежды, думая, что меня тут заждались. Я пребывала в эйфории, когда по моим эскизам выпускали модели, которые продавались по всей России, хоть и платили мне за это совсем крохи. Это был единственный случай, когда я была готова работать просто за идею. Но вскоре предприятие перекупили, и новое руководство решило, что постельное белье – более перспективное направление, чем женская одежда.

И я ушла с настроением, что теперь было бы неплохо найти работу в сфере моды, но за которую еще и платили бы соответственно. Работа в журнале подходила на все сто. Но меня никак не приглашали на интервью, хотя на вакансию, где тре-

бовались «амбициозные, ответственные, коммуникабельные люди, разбирающиеся в моде», я подходила идеально. Тогда я позвонила в журнал сама и так и спросила:

– Вы думаете, что я не подхожу вам? Давайте я приду к вам и докажу, что это не так!

И после собеседования меня сразу приняли в компанию. Я стала одним из лучших сотрудников за всю историю существования журнала: мои продажи рекламы были одними из самых высоких, я прикладывала все свои таланты и способности и была на своем месте. Эта работа была моей зоной комфорта, она была мне понятна, предсказуема и каждый месяц меня ждал новый проект – очередной номер.

И вот я растворилась в трудовых буднях. За очередным обедом, коллега Ира, высокая яркая красотка с огненными волосами из отдела «Красота и здоровье» осторожно заметила:

– Яна, ты что-то совсем похудела в последнее время, у тебя все в порядке?

– Ира, ты прям патриот своей рубрики, следишь за моими красотой и здоровьем.

Все засмеялись. Мы обедали с коллегами вместе большой компанией. Я посмотрела на них и бодрящим тоном сообщила:

– Вы знаете, а мы с мужем разводимся, – и слезы хлынули потоком, я разрыдалась со всей силы, отодвигая винегрет из комплексного обеда.

– Блин, а мы уже начали думать, что у тебя проблемы с выпивкой, ты всегда такая опухшая и похудела очень сильно, – прокомментировала растерянная Ира, обнимая меня за плечи.

Это меня рассмешило.

– Вот же ты сучка, Ира.

Теперь, когда на работе все знали про мой развод, мне стало легче.

Я уже и думать забыла про Вадима, ведь он работал в другом здании, мы не пересекались, и я не видела его уже несколько недель. Тут история могла бы и закончиться, но женатики не отпускают потенциальных жертв так просто.

Вадим неожиданно прислал мне фото, как я стою у кофейного аппарата. Он сфоткал меня, хотя я даже не догадывалась об этом. Я ответила: «Ну ничего себе! Ты шпион прямо», отшутилась. Но я все поняла. Это было его признание.

Как только он узнал о моем окончательном разрыве с мужем от кого-то из коллег, он сразу позвонил и принялся меня успокаивать, говорить, что «Да встретишь ты еще, Янка, нормального мужика».

Мы встретились за обедом:

– Ты же такая сильная, красивая. Ты у меня ассоциируешься с царицей Спарты. Ты заслуживаешь самого лучшего, ты создана совсем для другой жизни. Ты достойна совсем другого окружения, ты должна носить бриллианты и шикарные платья. Ты же просто неземная...

Я аж немного опешила от таких речей.

– Спасибо, Вадим, это очень приятно слышать, но...

– Никаких «но». Это правда. И точка.

Это было то, что нужно.

Своим шикарным комплиментом Вадим отвлек меня от моих мыслей, и впервые после разрыва с мужем я смогла уснуть без слез.

Я попалась на удочку Вадима. Я уже так привыкла к тому, что муж меня растоптал, что внимание и комплименты подействовали как бальзам на душу. С ним я забывала о том, что муж предал и отверг меня. В своих эгоистичных желаниях, я не заметила, что не просто нравлюсь ему. Он влюблен. Черт! Либо я перебрала с успокаивающим «Новопасситом», либо я просто заигралась. Тем не менее, принимать решение что-то с этим делать мне приходилось, когда я уже была по уши в этих сладостных сетях.

Я не могла просто так взять и отбросить, что за презрительным «женатик» существует настоящая жена и двое детей, летом у них родился второй сын. Я слишком далеко зашла с ним, совсем не думая о последствиях, мне казалось, что это безобидно. И как это теперь прекратить?

Через месяц

Вадим вчера поцеловал меня. И это было прекрасно. И неправильно.

Такой сумбур теперь в голове. Попробую рассказать по порядку.

Когда я поняла, к чему все это идет, я сразу все обрубилa. Никаких совместных обедов и сообщений.

Я сидела в лаундж-зоне «Тихвина», только закончила встречу с потенциальным рекламодателем. Я собирала блокнот, планшет в сумку, как вдруг он уселся в кресло напротив.

– Вадим...

– Яна, знаю. Можно только одну минуту? Я должен с тобой поговорить.

– Я не могу, Вадим, правда. Мне нужно идти.

– Сегодня, после работы. Пожалуйста. Я буду ждать тебя в машине.

– Я не...

– Не слышу, – он резко встал и ушел.

Черт! Мне и хотелось его видеть, но я же все сама итак знала. Зачем? Мне что мало сейчас проблем?

Я села в машину, и мы поехали просто кататься по городу.

– Мне нужно прийти в себя, и ты мне мешаешь, Вадим. У тебя есть семья, и я не думаю, что твоей жене понравится, если она узнает о наших встречах.

– Но мы не делаем ничего плохого, мне просто нравится говорить с тобой.

При этом смотрел так, что я знала, что он думает только о том, как бы меня обнять и поцеловать. Такой взгляд чувствуешь сразу – он раздевает тебя, делая абсолютно беззащитной. Он взял мою руку и гладил ее так, что я оцепенела.

Я убрала руку, постаралась сделать это без одергиваний.

– Это не похоже на просто говорить.

Он хотел поцеловать меня уже давно, я видела это. Но не решался – играл в благородство. Или просто выжидал момент, как тот самый змей-искуситель. Мне было удобнее считать, что он понимал, я уязвима и так нельзя.

Он заехал на парковку: «Я боюсь оскорбить тебя своими действиями».

При этом его взгляд явно говорил, что остались неуловимые секунды до этих самых действий.

Я чувствовала себя как в паутине, даже как-то оцепенела.

Мы были недалеко от моего дома, просто открыть дверь и уйти.

Просто открыть дверь и уйти, просто протянуть руку и это закончится.

– При этом смотришь, будто уже собрался оскорблять меня своими действиями.

– А можно?

Я почувствовала, что мы на краю пропасти и вот-вот сорвемся. Надо сделать шаг назад.

Я молчала. «Все, ухожу».

Я повернулась к нему, чтобы попрощаться, и он решительно притянул меня к себе.

Вадим поцеловал меня со всей жадностью и страстью, что таились в нем все это время. Сначала все было сумбурно, я пыталась отпираться, но в какой-то момент, я расслабилась и просто дала себя целовать.

Этот поцелуй унес нас куда-то далеко. Такой нежный, наполненный. Он целовал меня с трепетом и напористостью, я иногда останавливалась перевести дыхание, как пьяная. Он шептал: «Я так хочу тебя», руками гладил меня по ногам, спине, рукам. Я останавливала его руки тщетно, слабо, для вида, это уже было бесполезно. Вадим покрывал меня поцелуями: щеки, шею. Меня била мелкая дрожь удовольствия. Такие новые, давно забытые ощущения.

– Вадим, что ты делаешь?...Прекрати....

На повторе играла песня группы Бандэрос «Моя печаль».

Попытки остановить все это только распаляли его. Он на секунду останавливался, брал мое лицо в свои руки, смотрел в глаза и набрасывался на меня снова. Губы зудели, он кусал их, впивался в них своими губами, я всем телом подавалась вперед. Наконец, я остановила его.

Несколько секунд мы просто молчали. «Сколько раз уже проиграла эта песня на повторе?»

– Поцелуй, конечно, на сто баллов, – тихо сказала я.

– Я хотел бы оказаться с тобой где-нибудь в Праге и об-

нять тебя сзади и целовать в шею. Мы бы стояли и ждали трамвай, вокруг были бы красивые дома, и ты была бы только моя.

Он так явно нарисовал эту картинку, я представила нас на трамвайной остановке, в теплом свете.

– Я ухожу.

– Ты такая нежная. Сколько энергии в твоём поцелуе. Какая ты сейчас прекрасная. Ты знаешь, каждую твою причёску я представлял растрепанной.

– Все, мне пора.

Я вышла в снежный вечер, морозный воздух отрезвил меня немного.

Одно только воспоминание об этом поцелуе вызывало во мне волну горячей дрожи, которая проходила сквозь все тело. Что скрывать – я хотела его. И вот что мне было делать? Я же не могла быть любовницей женатого человека! Так нельзя. Вадим, нам нельзя...

Он постоянно мне звонил после этого, хотел меня видеть. Приезжал, даже когда я говорила нет. Его машина стояла под окнами, а я сидела неподвижно с выключенным светом, а сердце билось так, что, казалось, его бешеный ритм слышат даже соседи за стенкой. И Вадим у себя в машине.

Потом он подарил мне сережки. Я нашла коробочку на рабочем столе с запиской: «На память». Сережки в виде бабочек. «Бабочки в моем животе...» Коллеги вопросительно выглядывали из-за мониторов компьютеров. Я оторвала взгляд

и решительно оглядела «любопытных варвар», которые с нарочитым рвением продолжили работать.

Ира подошла к столу:

– Не в твоём стиле, – сказала она, оглядывая сережки, которые я держала в руках, – это муж? Прощения просит?

– Не знаю, имя не написано, – соврала я.

В конце дня он подждал меня у моей машины на корпоративной парковке.

– Яна, я не могу так. Почему ты игнорируешь меня? Мне нужно видеть тебя, говорить с тобой. Я из-за тебя совсем как мальчишка.

– Вадим, пожалуйста. Это было ошибкой, я не хочу так. Пойми. Забери свой подарок, у тебя есть жена, вот ей и дари.

– Яна, они для тебя. Пожалуйста.

– Вадим, мы сейчас как раз на том этапе, когда все можно прекратить. Пока никто из нас не влюбился, нужно остановиться.

– Я влюблен, Яна. Я уже влюблен, ты разве не видишь?

Конечно, видела. Он еле сдерживал себя, чтобы не прижать меня к себе.

Я молчала.

Меня уже начинало морозить, но мы так и стояли у моей машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.